

Вагит Федоров

Юности,
зрелость и
прочее

Вадим Федоров

Юношество, зрелость и прочее

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68912376

SelfPub; 2023

Аннотация

Сборник рассказов, написанных в разное время и о разных временах. Почти всё, о чём написано в этой книге, произошло с автором лично. Кое-что он приукрасил и додумал, но как же без этого)

Содержание

Армейские годы	4
Армия	4
Гауптвахта	16
Национальный вопрос	30
Караул	37
Грозный	49
Перестройка	58
Донор	58
Дрожжи	70
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Вадим Федоров Юношество, зрелость и прочее

Армейские годы

Армия

В армию меня забрали в ноябре 85-го. Всю ночь пили, плясали, а в 6 утра сдали меня в военкомат. Потом распределительный пункт в Туле. Потом нас, 10 человек, усталый прапорщик повёз к месту службы. В город Острогожск. В/Ч 20115.

20115 оказалась учебной автомобильной частью. В проstonародье именуемой учебкой. И где первые полгода службы я в звании курсанта изучал, как управлять 11-тонной машиной с ракетой в кузове. А после окончания учёбы меня оставили на должности командира отделения. Чтобы я в свою очередь обучал новых курсантов.

Присвоили мне звание младшего сержанта. Жить стало веселее. Пару раз приезжал мой брат, и меня пускали в увольнение в город. В остальное время наш ротный, май-

ор Васильев, увольнение строго ограничивал. Считая, что сержант должен заниматься личным составом, а не шляться по выходным дням по городу. В котором, кстати, были медицинское и педагогическое училища.

Об училищах я узнал в своё второе увольнение. Да, я прослужил почти год и только во второй раз вышел за ворота части. Я смотрел на проходящих женщин, и они все казались мне богинями. А когда мы зашли на местную дискотеку, я понял, что надо что-то делать. Тем более до возвращения в родную казарму оставалось всего два часа.

Я подошёл к группе стоящих у стены девушек, выбрал из них не самую красивую, но и не самую дурнушку, и пригласил на танец. Мы закружились в вальсе. А у меня закружилась голова. Я склонился к девичьему ушку.

– Девушка, у вас верёвочки не найдётся?

– Нет. А зачем вам?

– Хочу с вами знакомство завязать, да вот не знаю, с чего начать, – стараясь не наступить на ноги партнёрше, прокричал я.

– Найдётся, – крикнула она в ответ.

Я взял у неё телефонный номер. И проводил до дома. Оказалось, она жила недалеко от части. В частном секторе. Буквально пять кварталов от КПП. До которого я потом мчался со всех ног. Потому что опаздывал из увольнения. Успел. Я хорошо бегал тогда.

Напрямую из роты в город позвонить было нельзя. В части

была внутренняя телефонная связь. И телефонные номера состояли из трёх цифр. Городские номера были в штабе. Который наш взвод убирал по вечерам. После ужина. Штаб части к тому времени пустел. Задачей вверенного мне подразделения было помыть полы, опорожнить урны и протереть пыль в кабинетах. Ну и угостить часового у знамени сигаретой. Это было традицией.

Первым помещением для уборки был кабинет начальника части. В течение 15 минут несколько курсантов наводили там идеальный порядок. После чего я всех выгонял, садился в кресло полковника Абузьярова и набирал выученный наизусть номер. На другом конце провода меня уже ждала Света. Светочка. Светуля. И мы целых 45 минут болтали с ней обо всём на свете. Каждый день.

Я несколько раз пытался подать заявление на увольнение, но ротный был непреклонен: «Нечего по городу шляться. Повышайте боевую подготовку с вверенным вам составом. И вообще, товарищ младший сержант, у вас полно залётов. Кругом, шагом марш»...

А хотелось к Свете. Не просто по телефону потрещать, а погладить, обнять. А может, что и больше получится. И у меня созрел план. Уйти в самоволку. В самовольную отлучку. В которую в нашей роте никто не ходил. Старослужащих ротный и так отпускал в увольнение. А курсанты грызли гранит военной науки, и им было не до развлечений. Да и кто бы их прикрыл?

А меня прикрыл мой товарищ. После вечерней проверки осенним субботним вечером он постоял на шухере, пока я перелезал через забор. Гражданской одежды у меня не было, поэтому в своё первое неуставное путешествие за границы части я отправился в хэбешке и сапогах. Вместо портянок были тёплые носки, форма была тщательно постирана и отглажена. И пах я одеколоном.

До дома своей зазнобы я добирался полчаса, пугаясь каждого прохожего и перебежками преодолевая перекрёстки. Добрался. Позвонил. Меня ждали. Родители были дома. Черноволосая мама с приветливой улыбкой, невысокий крижистый отец. Посидели, поужинали. Потом мы со Светой уединились в её комнате, где целовались, целовались и целовались. Естественно, ничего более я себе не позволил. Родители были в соседней комнате.

Я так и запомнил это своё первое свидание со Светланой. Поцелуи при свете ночника и тёплые шерстяные носки, от которых было жарко и чесались ноги.

Далеко за полночь я вышел из девичьей комнаты, совершенно одуревший и счастливый. Попил чаю со Светой и её мамой. Папа, как выяснилось, уже давно спал. Я распрощался.

Светина мама протянула мне две громадные сумки.

– Вадим, возьмите с собой. Я на хлебокомбинате работаю, это оттуда.

– Да мне через забор лезть, – попробовал отказаться я, –

куда я с сумками?

– Да возьмите, вас же там плохо кормят, – настаивала Светина мама, – тут карамель, булочки, пироги. Всё свежее, сегодня пеклось.

И она открыла одну из сумок. Рот у меня мгновенно наполнился слюной. Несмотря на щедрый ужин, съеденный недавно.

Взял сумки. Поцеловал Свету онемевшими губами и отправился обратно в часть. Матерясь вполголоса, еле-еле перелез через забор, перетащив с собой злосчастные сумки с едой. Подошёл к казарме. Вроде тихо.

Приоткрыв дверь, протиснулся внутрь. Дневальный, увидев меня, сделал испуганное лицо.

– Товарищ младший сержант, – сказал шёпотом, – вас ждут в сушилке.

– Кто? – удивился я.

– Старослужащие, – испуганно ответил дневальный.

«Спалили меня», – подумал я и поплёлся в сушилку. Вежливо постучался, вошёл. Два стола. Шахматы. Карты. Чай дымится в кружках. Сковородка с жареной картошкой.

Одиннадцать пар глаз уставились на меня.

– Ты совсем оборзел, что ли? – спросил первым сержант Дударев. – Год ещё не прослужил, а уже в город по ночам бегаешь.

– Я больше не буду, – промямлил я, думая о том, что меня сейчас будут бить. Больно и обидно. И стоит ли мне попы-

таться поспротивляться или сразу свернуться калачиком, чтобы по голове поменьше досталось.

– Конечно, не будешь, – весело проговорил здоровяк Куцый, играя мышцами на голом торсе.

– Чё в сумках? – спросил обычно невозмутимый старший сержант Шалимов.

– Да вот, тёща будущая гостинцы собрала. Для личного состава, так сказать. От гражданского населения военным специалистам, – проговорил я, чувствуя, что момент расправы отодвигается.

– Покаж, – велел Шалимов.

Я вывалил содержимое сумок на стол. Сушилка наполнилась запахом свежих булочек, карамели и ещё чем-то вкусным. Через минуту все жевали. Запивая чаем дары Светиной мамы. Кто-то подвинул мне табуретку и с полным ртом промычал: «Садись. Картофанов жареных хочешь? Ешь. Только они остыли».

Я вежливо отказался от картошки, но чай попил. Гроза миновала.

Неделя прошла в подготовке к строевому смотру и в вечерних звонках Светлане. Только разговоры у нас стали более интимные и откровенные. Она мне нравилась. Я ей, судя по всему, тоже.

В пятницу ко мне подошёл весельчак Куцый и невозмутимый Шалимов.

– В самоход завтра пойдёшь? – спросил Шалимов.

– Да я вроде не собирался, – ответил я.

– Что значит, не собирался? – удивился Куцый. – Иди и ничего не бойся. Дежурный офицер завтра Хуторянский. Он обычно из своей комнаты не вылезает. Будет сидеть и футбол смотреть. А мы тебя прикроем.

– Ну, не знаааю, – протянул я.

– Прикроем, прикроем, – подтвердил Шалимов, – и около забора подождём. Чтобы гостинцы от тёщи принять. Не переживай.

И так начались мои еженедельные походы в самоволку. Обычно по субботам. К Свете я шёл налегке. Обрато с парой сумок, набитых пирогами и баранками. А в будние дни я общался с любимой девушкой по телефону. Тяготы службы отошли на задний план. Я жил от субботы к субботе. Единственное, что меня смущало, это мой затрапезный вид. Потёртая форма и шерстяные носки в сапогах.

И поэтому я решил всё-таки исхитриться и сходить в увольнение. При полном параде предстать перед Светой.

Праздник – день Советской Армии и Военно-Морского флота – 23 февраля 1986 года выпадал на воскресенье. В пятницу на стол ротного легли заявления на увольнение. В том числе и моё. Поверх которого лежала вручную выполненную открытка. Где 1 отделение 4 взвода во главе с младшим сержантом Фёдоровым поздравляло майора Васильева с праздником 23 февраля. И желало успехов по службе и в личной жизни.

Ротный прочитал открытку, усмехнулся. Взял лежавшее под ней заявление. Расхохотался. И поставил резолюцию: разрешить до 22.00.

Вот так я в третий раз попал в увольнение спустя год с лишним после призыва на действительную военную службу.

Как я готовился к этому выходу в город! Как я готовился!..

Китель и штаны мы гладили, вымеривая стрелки по линейке. На погоны в районе лычек нанесли слой клея ПВА с блёстками. Бляха на ремне драилась сутки. В ботинки можно было смотреться, как в зеркало. Парикмахер стриг меня в течение часа. Хотя обычно он укладывался в три минуты. Я своей нервозностью и подготовкой заразил весь взвод.

В воскресенье я вышел из ворот части, козырнул патрульному и отправился в цветочный магазин. Потом к любимой девушке. Где был встречен как самый дорогой гость.

– А форма вам очень идёт, – сказала Светина мама.

– Идёт, – подтвердил отец, – прям совсем другой человек.

Мы отобедали. Потом я сходил со Светой в кинотеатр на «Зимнюю вишню». Посидели с ней в кафе. Вернулись домой.

Когда пришла пора мне возвращаться, Светлана обняла меня и прошептала на ухо: «Восьмого марта родители уезжают. Я буду одна дома. Приходи такой же красивый. Я буду твоя».

И убежала с крыльца домой. А я вышел на улицу и пошёл

в родную часть. С уже ставшими обыденными двумя сумками с выпечкой.

Оставшиеся две недели я провёл в раздумьях. Как официально пойти в увольнение? Как? Сослуживцы посоветовали повторить предыдущий трюк. Но эту идею я сразу отмёл. Дарить усатому майору на 8 марта поздравительную открытку было довольно опасно. Куцый предложил подписать открытку жене Васильева и двум его дочерям, но я так рисковать тоже не стал.

В итоге решил действовать напрямую. Зашёл в кабинет ротного, представился. Положил на стол увольнительную записку.

– Товарищ майор, очень надо в город в этот день, – осипшим от волнения голосом начал я, – вот именно в этот день. Потом до конца службы меня за ворота части можете не выпускать.

Васильев поднял на меня глаза. Усы его грозно шевельнулись.

– А не часто ли вы в увольнение в последнее время ходите, Фёдоров? – спросил.

– Часто, – отозвался я, – третий раз с начала службы. Мне к девушке надо.

– К кому? – взревел ротный.

– К девушке, – окончательно осипнув, сказал я.

Как потом выяснилось, именно накануне 8 марта наш ротный узнал, что его старшая незамужняя дочь беременна.

И тут я со своей просьбой.

– Два наряда вне очереди, – перегнувшись ко мне через стол, проорал майор Васильев, – даже нет, не два, а три наряда. Подряд.

– Есть три наряда вне очереди, – уже почти шепотом просипел я, – разрешите идти?

– Идите, товарищ младший сержант, всего-навсего, – прорычал Васильев, – заступайте в наряд сегодня же вместо Гагловой. И завтра тоже. И послезавтра. Три дня подряд. Чтобы к девушкам не хотелось. Наверняка.

Я отдал честь, развернулся и, печатая шаг, вышел из кабинета ротного. Строевым шагом под изумлённые взгляды сослуживцев прошагал через всю казарму. Вошёл к старшине роты в каптёрку и доложил, что мне через полчаса заступать в наряд. На трое суток. Прапорщик Пилипенко крикнул, посмотрел на меня жалостливо и спросил: «Ты чего опять такого сделал, что ротного даже здесь слышно было?»

– Я сказал этому садисту, что хочу в город, к девушке, – ответил я, – а он как-то странно прореагировал.

– Про девушку это ты зря сказал, – сказал мне Прапорщик Пилипенко и поведал историю про беременность майорской дочери.

А потом я с нарядом ходил на развод. Потом были сутки дежурства. Потом были вторые сутки. Хотелось спать. И хотелось не думать о том, что где-то недалеко сидит девушка по имени Света и ждёт меня. А её родителей нет дома.

В понедельник вечером я сдал дежурство. На ощупь нашёл свою койку и рухнул в одежде, успев только снять сапоги. Проспал почти сутки. Пилипенко запретил меня будить и велел занавесить кровать простынёй. Я проснулся во вторник после обеда. Сходил с ротой в столовую. Дождался вечера.

После ужина пришёл в штаб. Дождался, когда убрали кабинет командира части. Закрыл за собой дверь. Сел на краешек кресла, на котором раньше сидел развалиясь. Набрал знакомый номер.

– Здравствуй, это я, – сказал в трубку.

– Здравствуй, – отозвался знакомый голос.

– Я хочу объяснить, – прошептал я.

– Не надо ничего объяснять, – ответили в трубке. Вроде тот же голос, но уже какой-то незнакомый.

– Хорошо, – сказал я.

– Прощай, – сказали в трубке.

И раздались гудки.

– Маме привет передавай, – сказал я гудкам, – и спасибо ей большое за гостинцы. От всего сержантского состава первой роты войсковой части 20115.

Я осторожно положил трубку. Вышел из кабинета. Прощёлся по штабу. Вышел на улицу. Уборка уже была закончена. В курилке тусовался народ, дымя сигаретами Ява.

Ещё лежал снег, но уже пахло весной. Моей последней весной в армии.

Я поднял голову и весело заорал в мартовское серое небо:
«Четвёртый взвод, в колонну по четыре становись!»

Гауптвахта

В армии я прослужил ровно 25 месяцев. Без отпуска. Два года и один месяц. С ноября 85-го по декабрь 87-го. 760 дней.

Из них двое суток я провёл в одиночной камере на гауптвахте. Или по-простому – на губе.

Я уже прослужил полтора года. Считался старослужащим. А тут в нашу роту прислали трёх молодых лейтенантов. Только-только из военного училища. Один из них стал заместителем командира роты по политической части. Была такая должность в Вооружённых силах Советского Союза.

И вот с этим-то молодым замполитом по фамилии Фадин и случился у меня конфликт. А дело было так.

Как-то дежурил наш молодой замполит по роте. И вечером заглянул в каптёрку. Где и застал рядового Пилипенко, самозабвенно раскрашивающего мой дембельский альбом.

– Красиво, – похвалил замполит рядового, – а чей это альбом?

– Младшего сержанта Фёдорова, – бодро отрапортовал Пилипенко.

Замполит послал за мной. Я пришёл.

– Почему вы заставляете вашего подчинённого рисовать вам альбом? – спросил меня замполит.

– Я не заставляю, – ответил я, – просто попросил.

– Попросил, – поддакнул Пилипенко, – и я сам вызвался. Веснушчатое лицо замполита покраснело. Было видно, что он разозлился.

– Это использование служебного положения, – отчеканил он, – рядовой должен заниматься военной подготовкой.

– Вообще-то, сейчас вечер, – напомнил я лейтенанту.

– Значит, у него свободное время, – ответил замполит, – вот пусть и занимается своими делами.

– Вообще-то, сейчас по расписанию уборка прилегающей территории, – опять напомнил я лейтенанту, – а вверенная территория у нашего четвёртого взвода – это оружейная комната, коридор, умывальник и туалет. Пилипенко, твои три крайних от окна унитаза. Отодрать их так, чтобы блестели как зеркало. Через час проверю.

Пилипенко поник.

– За что? – трагическим шёпотом спросил он. – Я же ничего не сделал плохого.

– Во-первых, приказы не обсуждаются, – сказал я, – а во-вторых, если ты что-то рисуешь, то ни в коем случае не должен попадаться на глаза офицерам. Ты должен слиться с местностью, чтобы никакой лейтенант или капитан, а уж тем более майор, тебя не заметил. Как хамелеон. Так что иди и сливайся с унитазами.

– Есть сливаться с унитазами, – ответил Пилипенко и повернулся, чтобы идти выполнять моё распоряжение.

– Отставить унитазаы, – вдруг заорал замполит, – вы что,

товарищ младший сержант, издеваетесь надо мной?!

– Никак нет, – гаркнул я, – выполняю свои прямые обязанности.

– Ты сейчас сам пойдёшь унитаза чистить! – продолжал кричать Фадин.

– А чего это вы на ты перешли? – осведомился я. – Мы с вами, товарищ лейтенант, вместе не пили. Да и не буду я унитаза чистить. Вы не мой прямой начальник.

Лицо у замполита приобрело пунцовый оттенок. Глаза налились кровью. Он был прекрасен в гневе. 5 лет он учился. И вот наконец-то предстала возможность проявить свои таланты и покомандовать всласть.

– Мне-то что делать? – прервал паузу несчастный Пилипенко.

– Идите отдыхать, – скомандовал ему Фадин.

Пилипенко выдохнул «есть», развернулся и вышел из кап-тёрки.

– Товарищ лейтенант, – миролюбиво начал я, – ну что вы из-за пустяка так волнуетесь?

– Вы используете личный состав в личных целях, – отчеканил замполит.

– Хорошо, – так же миролюбиво продолжил я, – две недели назад у ротного сгорела проводка в квартире. Я с бойцом из второго взвода там целый день проторчал. Всё починили. И никто про личные цели ничего не говорил. Наоборот. Все были довольны. У ротного новая проводка. Мы от службы

отдохнули. А какие пирожки жена ротного печёт! Пальчики оближешь.

И я блаженно улыбнулся, вспомнив вкус горячего повидла.

– Дорости вначале до ротного, сопляк, – прошипел замполит, – тогда и поговорим.

– Зачем мне куда-то расти? – удивился я. – Я через несколько месяцев домой поеду.

– Поедешь, но без альбома, – сказал замполит.

– Послушай, Фадин, – я тоже перешёл на ты, – у нас разница два года. Чего ты тут из себя начальника корчишь? То, что у тебя на погонах две звёздочки, а у меня две полоски? Ну и что? Зачем из мухи слона раздувать?

– На вы ко мне обращаться надо, и не по фамилии, а по званию, – сказал замполит.

И тут моё терпение кончилось. Я подошёл вплотную к Фадину. Он отступил на шаг назад.

– Товарищ лейтенант, – отчеканил я, – идите на...

И я послал нашего замполита по матушке. Тот мгновенно побледнел. Открыл рот, чтобы что-то сказать. Но не успел.

– Ещё слово, и я вам морду набью, товарищ лейтенант, всего-навсего, – пообещал я вполголоса.

Фадин подавился несказанными словами, развернулся и выскочил из каптёрки. Позже выяснилось, что он побежал жаловаться.

Едва я успел спрятать свой дембельский альбом, как меня

вызвали. К ротному, к майору Васильеву.

Я прибыл. Доложил о том, что прибыл. В комнате, кроме ротного, были Фадин, старшина и мой командир взвода.

Майор Васильев был краток.

– Ты, Фёдоров, совсем охренел, – сказал он, – хамишь, про какую-то сгоревшую проводку рассказываешь. Угрожаешь замполиту физической расправой.

– Виноват, товарищ майор, – громко и по слогам отрапортовал я.

– Виноват, – кивнул Васильев, – ещё как виноват. Сержантский состав у нас совсем уже от рук отбился. Один на зарядке с магнитофоном бегают. Второй вот матом офицеров обкладывает. Двое суток ареста.

– Есть двое суток ареста, – так же громко проорал я.

Стоящий в углу комнаты старшина крикнул.

– А за что ему арест выписывать? – спросил он. – За мат или за угрозу замполиту?

– Да вы с ума сошли, – ротный аж поперхнулся, – нас за такую формулировку самих на двое суток упекут. Запиши: за нарушение формы одежды. Вон, верхний крючок у него на хэбэшке расстёгнут. Не по уставу.

Вот так я неожиданно-негаданно получил первый и последний раз в жизни двое суток ареста.

– Там постельного белья нет, – предупредил меня старшина, когда мы остались одни, – шинель с собой возьми.

– Спасибо, – поблагодарил я и отправился собираться.

Кроме шинели я взял с собой вещмешок. Куда положил два блока сигарет, туалетные принадлежности. И стопку книг. Чтобы использовать их вместо подушки.

В последний момент мой приятель притащил журнал «Юность».

– Тут про дембелей повесть, – сказал он мне, – про нас. «Сто дней до приказа» называется.

Я поблагодарил его. Накинул вещмешок на спину, сложенную шинель взял под мышку и пошёл к выходу, где меня уже ждал старшина.

– Товарищ младший сержант, ваше приказание выполнено, – перехватил меня на выходе Пилипенко, – унитаза чистые.

– Молодец, – похвалил я его, – завтра начинай учиться сливаться с местностью. Альбом в отсеке с сапогами спрятан.

Стоявший рядом старшина хмыкнул.

– Пошли, арестант, – сказал он, – будешь сливаться с гауптвахтой. Целых два дня.

И мы пошли. К караульному помещению. Где наш старшина передал меня с рук на руки невыспавшемуся старшему лейтенанту.

– А чего с шинелью? – спросил старлей. – Не положено.

– Согласно Уставу караульной службы в тёмное время суток можно, – ответил я.

Память в те годы у меня была великолепная. Я наизусть

знал все четыре Устава.

Старлей хмыкнул, сходил не торопясь за Уставом. Нашёл нужную статью.

– Действительно, можно, – согласился он, – заходи тогда. В одиночную камеру. Курево в камеру хранения.

Камера представляла из себя помещение размерами два на три метра. Стены были отделаны цементом в стиле «шуба». И покрашены серой краской. Окошко было под самым потолком. Закрытое решёткой. Светильник располагался там же. На высоте трёх метров. К одной из стен были пристёгнуты нары. В двери было небольшое окошко, открывающееся снаружи.

Я бросил в угол шинель и книги. Потянулся. Ближайшие двое суток никакой казармы. Никаких рядовых, построений и проверок, нарядов и занятий. Я был один.

– Аллё, боец, – раздалось из соседней камеры, – кого к нам подселили?

– Из первой роты сержанта, – ответил часовой.

– А у меня кто соседи? – поинтересовался я, вплотную прильнув к двери.

– С автороты мы, – раздался голос, – за пьянку по трое суток схлопотали. Курить есть?

– У первой роты всё есть, – проворчал я и позвал часового: – Боец, в камере хранения мои сигареты. Достань пачку. По сигарете соседям, мне одну и себя не забудь.

– Не имею права, – ответил часовой.

– Молодец, – похвалил я его, – тогда позови разводящего или помощника начальника караула. Имею право позвать.

Часовой промолчал, но мою просьбу исполнил. Разводящий появился тут же. Караульное помещение примыкало к гауптвахте, и дойти до нас было делом одной минуты.

В течение нашего короткого разговора с разводящим мы нашли общих знакомых, поговорили о погоде и о грядущем дембеле. Разводящему предстояло служить ещё год.

– Земляк, – попросил я его, – проинструктируй своих часовых, чтобы сигаретками меня снабжали. Я там себе два блока притащил. В камере хранения лежат.

Камерой хранения назывался огромный железный шкаф, стоящий в коридоре гауптвахты. Ключ от него был у начальника караула. В шкаф складывались личные вещи арестованных, которыми они не могли пользоваться в камерах. В данный момент на верхней полке лежали мои сигареты.

– Так он же закрыт, – сказал разводящий.

– Отодвигаешь его от стены и снимаешь заднюю стенку, – подсказал я, – это ещё с прошлого года работает. Делюсь.

Разводящий проинструктировал часового и выдал мне и моим товарищам по несчастью по сигарете. Свою я скурил, пуская дым в замочную скважину. Потом через дырку в двери отдал окурочек часовому.

Жизнь постепенно налаживалась.

На ужин нам принесли из столовой остатки варёной картошки и салат, который в быту мы называли мастика. От него

была изжога и тяжесть в желудке. Во время ужина я и познакомился с соседями-алкоголиками.

Один рядовой и два ефрейтора накануне раздобыли где-то две бутылки водки и выпили её. Уютно расположившись в кабине ЗИЛ-130, водителем которого являлся один из ефрейторов. Там-то их и поймал командир взвода. Поймал и влепил трое суток.

– А тебя-то за что? – спросили они меня, поведав свою историю.

– А у меня статья политическая, – многозначительно сказал я, – с замполитом не сошёлся во мнении на организацию досуга личного состава.

Авторотовцы с уважением посмотрели на меня. Я же попросил послать весточку в мою роту с просьбой притащить чего-нибудь поесть. Если в столовой мастика была ещё съедобной, то, остывшая и заветренная, здесь она в качестве еды никак не годилась.

Вечером мне откинули нары. Я постелил шинель, положил под голову стопку книг и уснул. Было жестковато, но зато тихо.

Утром нары пристегнули обратно. Я умылся, привёл себя в порядок.

На завтрак мои товарищи по роте прислали банку тушёнки и банку сгущёнки. Которыми я великодушно поделился с тремя соседями из автороты. Досталось угощение и часовому. Мой авторитет поднялся до небес.

От получасовой прогулки во дворе я отказался.

– Сидеть так сидеть, – сказал я и забился в уголок читать повесть Полякова. До обеда я с ней справился. Повесть мне очень понравилась. И я передал журнал через часового автоторовцам. Для культурного просвещения.

Делать было нечего. Абсолютно. И я наслаждался этим. Сидел в уголке и листал принесённые с собой книги. Или смотрел в потолок и мечтал о гражданской жизни. Целый день. До самого вечера.

На ужин я со своими соседями по гауптвахте съел очередную банку тушёнки, присланную мне из роты. Покурил в замочную скважину. Поговорил с часовым о тяготах караульной службы. И лёг спать. На предварительно откиннутые нары.

Ночь опустилась на войсковую часть номер 20115. Не спали лишь дневальные и караул. И не спал командир части. Полковник Абузяров, маленький и шустрый татарин. Которого до дрожи в коленках боялись все. Начиная от рядового и кончая начальником штаба. Наш командир был суров и беспощаден. Требовал от всех соблюдения Уставов и идеального порядка. Взыскания раздавал направо и налево, не считаясь со званиями и должностями.

В общем, именно в эту ночь Абузяров решил проинспектировать, как несут караульную службу во вверенном ему подразделении. Такие проверки он проводил не часто. Раз или два в год.

В караульное помещение он явился в 4 часа утра. Взгрел помощника начальника караула за внешний вид. Проверил действия часовых при учебном пожаре. Влепил выговор начальнику караула за результаты этой проверки. Потом перешёл в помещение гауптвахты.

Я в это время спал сном младенца. И не слышал ни беготни с дырявыми вёдрами, ни шмона в соседней камере, который устроил неугомонный полковник.

Мне снилась жена нашего ротного. Как она кормит меня пирожками с повидлом. Одета она была в короткий халатик. И я почему-то знал, что под этим халатиком у неё ничего нет. Я сидел за столом, смотрел на сидящую напротив жену ротного и жрал пирожки. И мне было хорошо. Потому что пирожки заканчивались, а жена ротного смотрела на меня с усмешкой и расстёгивала верхнюю пуговицу на своём халатике.

И тут вдруг меня кто-то ударил по ногам.

– А тут что за лежебока у вас валяется? – услышал я сквозь сон властный голос.

И опять удар по ногам.

Я вскочил с нар, с тоской отрываясь от пирожков, и увидел перед собой командира части. В руках он держал мой журнал, конфискованный только что у соседей-авторотовцев. В дверях, весь белый, стоял дежурный по караулу.

Вкус повидла моментально исчез из моих воспоминаний.

– Арестованный в дисциплинарном порядке младший

сержант Фёдоров, – вытянувшись по струнке, отрапортовал я.

Брови командира части удивлённо поползли вверх.

– Первый раз в этом помещении мне кто-то по уставу отвечает, – проворчал он и добавил: – Тоже художественные книжки читаете? Развели тут беллетристику.

Абузяров шагнул к нарам. Наклонился к стопке книг, которая мне служила подушкой.

Самой верхней книгой оказался учебник сержанта. Полковник повертел его в руках, хотел что-то сказать, но не стал. Отложил в сторону.

Следующей книгой лежал том из собрания сочинений В. И. Ленина.

– А Ленин вам тут зачем? – удивился полковник.

– Занимаюсь, – отчеканил я.

В тесной камере мой голос звучал звонко и громко.

– В каком смысле занимаетесь? – Абузяров пристально уставился на меня.

– Меня завтра выпускают, – глядя чуть поверх головы страшного начальника, продолжил я, – а в пятницу политзащиты. Я готовлю доклад по работе Владимира Ильича. Апрельские тезисы.

– Да? – удивился полковник. – И что там интересного в этих апрельских тезисах?

– Они написаны после Февральской революции, и в них даны установки к подготовке свержения Временного прави-

тельства, – бодро начал я.

– Достаточно, – прервал меня полковник, – а за что вас арестовали?

– За нарушение формы одежды, – отрапортовал я, – верхний крючок был расстёгнут.

– Сколько дали? – поинтересовался полковник.

– Двое суток ареста, – ответил я.

– За крючок? – уточнил Абузаров.

– Так точно, – подтвердил я.

– Отдыхайте, товарищ младший сержант, – полковник потечески положил мне руку на плечо, постоял и вышел.

Двери захлопнулись.

– Из какой он роты? – услышал я голос грозного полковника.

– Из первой, – ответили ему.

Шаги в коридоре затихли. Хлопнула входная дверь. Проверка покатила дальше.

Мы с авторотовцами покурили в замочные скважины, и я улегся спать. Им за мой журнал с антиармейской повестью командир части вlepил ещё дополнительные сутки ареста.

Утром Абузаров вызвал нашего командира роты. Майор Васильев на негнущихся ногах прибыл в штаб. Где получил по полной.

– Что у вас происходит?! – орал Абузаров на посеревшего от страха ротного. – У вас сержанты в камере работы Ленина изучают. Вы вообще, что ли, с катушек съехали? Ещё раз

подобное увижу – сами в камере будете апрельские тезисы учить. По пунктам.

Ротный потел, ел глазами начальство и в душе проклинал меня, молодого замполита и всю свою службу.

А меня выпустили после обеда. Распахнулась дверь. Я сложил шинель. Забросил в вещмешок книжки и потопал на выход. Остатки сигарет я великодушно оставил троим неудачникам из автороты.

Вышел. Светило солнце. Небо было безумно голубым и бездонным.

Я никогда больше не видел такое красивое небо.

Двое суток в тесном и мрачном помещении дали о себе знать.

Краски были яркие. Воздух свеж. Пахло масляной краской и цветами.

Со стороны плаца были слышны звуки марширующего взвода.

До приказа оставалось ровно сто дней.

Национальный вопрос

Срочную службу я проходил в Воронежской области. Ещё при Советском Союзе. 1985-1987 годы. Осенний призыв.

В первой учебной роте, располагавшейся на четвёртом этаже панельного здания, служили представители всех наших многонациональных республик. Грузины, армяне, украинцы, татары, узбеки, казахи... Не было почему-то евреев.

Последние полгода я служил заместителем командира взвода. Воспитан я был, как было положено в то время, интернационалистом и не делал различия между людьми разной национальности. Для меня все были советскими людьми.

В тот сентябрьский денёк у нашего взвода проходили занятия по устройству изделия 6944. Собственно, в учебной части, где я в то время служил, и готовили механиков-водителей на различные машины. Начиная от мазов и заканчивая устройствами с четырёхзначными номерами.

Наша машинка была в длину 11 метров, и в боевых частях на ней стояли ракеты средней дальности. С ядерной боеголовкой.

И вот чтобы не опрокинуть эту ядерную боеголовку в кювет, а довести её до точки пуска, наш взвод и изучал машину.

Командиры отделений были в карауле. Из сержантов остался только я.

А тут ещё и командир взвода, пряча глаза, заявил, что ему куда-то срочно надо.

– Фёдоров, – сказал он, – мне нужно отойти на пару часов. Или больше. В общем, остаёшься за старшего.

– А если кто с проверкой придёт? – задал я резонный вопрос.

– Скажешь, что меня в штаб вызвали, – ответил взводный, – а сам гонца в библиотеку пошлешь. Я там буду.

– Есть послать гонца, – вытянулся я. – Разрешите приступить к практическим занятиям по изучению устройства шасси?

– Приступайте, – кивнул взводный и убыл.

В библиотеку.

А я построил взвод. Отдал приказ изучать шасси. А сам с нашим художником Молиным залез в кабину. Молин рисовывал мой дембельский альбом.

– Нарисуй, как я сплю в кабине, – попросил я нашего самоучку, – а я тебе попозирую. Минут сорок.

– Хорошо, – сказал Молин и вытащил заранее приготовленные карандаши и альбом, обтянутый шинельным сукном, – я сейчас набросаю сам рисунок, а раскрашу уже в казарме.

Я развалился в водительском кресле. Закрыв глаза и уснул. Мгновенно. Как это возможно только в армии.

Снилось мне лето. Июльский поздний вечер. Года два до армейской службы. Я тогда летом подрабатывал в местной

столовой. Поваром.

Снилось мне, что я стою у распахнутого окна столовой. А по улице идёт Женька Ермакова. В лёгком ситцевом платице и на каблуках.

– Цок, цок, – стучали её каблучки по асфальту.

– Вадик, иди картошку чистить, – позвала меня откуда-то из недр столовой заведующая, Тамара Васильевна.

– Я не могу, – ответил я, прислушиваясь к удаляющемуся цокоту каблучков, – мне в библиотеку надо.

– Какая библиотека ночью? – удивилась Тамара Васильевна и, подойдя сзади, схватила меня за плечо. – Завтра в шесть утра завтраки. Пойдём картошку чистить.

– Не пойду, – как попугай повторил я, – не хочу я картошку чистить...

– Товарищ младший сержант Вадик, проснитесь, – прошипела мне на ухо Тамара Васильевна и принялась трясти меня, как грушу.

Я открыл глаза.

Знакомая кабина изделия 6944. Надо мной склонился Молин.

– Товарищ младший сержант, – почему-то шёпотом сказал он мне, – это не моё дело. Но, по-моему, там драка.

Сон мгновенно прошёл. Я вскочил. Открыл люк и почти бесшумно скатился по лесенке на бетонный пол ангара.

Внизу никого не было. Весь личный состав я обнаружил по правую сторону машины. Мои подопечные стояли полу-

кругом. В полукруге, пригнувшись и сжав кулаки, раскачивался эстонец Терас. Напротив него в той же напряжённой позе приготовился к схватке низкорослый узбек Бабаев. Рядом с ним, то ли в качестве секундантов, то ли как поддержка против высокого эстонца, стояли два украинца. Пилипенко и Бойко.

– Воздух! – заорал я, мгновенно оценив ситуацию.

Все попадали как подкошенные, закрыв головы руками. Откуда-то сверху, видимо, с крыши машины, свалился татарин Мамонов, больно ударив меня сапогом по плечу.

– В шеренгу по одному строиться, – подал я новую команду, потирая ушибленное плечо.

Взвод вскочил и построился. В шеренгу. Вдоль стены ангара.

Я застегнул крючок на хэбэшке. Подтянул ремень.

– Пилипенко, Бабаев, Бойко и Терас, выйти из строя.

Четверо сделали шаг. Развернулись. В ангаре повисла томительная тишина.

– Неуставные отношения, значит, – я принялся расхаживать вдоль строя, старательно обходя четыре застывшие фигуры, – ну, рассказывайте. Кто зачинщик. На какой почве конфликт. Кто виноват и что делать?

Тишина. Лишь слышно, как где-то бьётся о стекло муха.

– Ваше чистосердечное признание смягчит моё наказание, – добавил я.

Опять тишина.

– Не хотите по-хорошему, будет по-плохому, – пообещал я, – завтра зарядка начнётся пораньше. Три километра по пересечённой местности. А потом будем отрабатывать команду «газы».

Взвод горестно вздохнул.

– Всё равно же я всё узнаю, – продолжал я расхаживать вдоль строя, – рано или поздно узнаю. Только лишние мучения сами себе устройте. Фантазия у меня богатая. И утренний кросс – это будут только цветочки.

– А почему все должны страдать? – подал голос стоящий на правом фланге Алиев. – Мы же ничего не делали.

– Вы наблюдали и не предотвратили конфликт, – парировал я, – следовательно, тоже виноваты.

– Это всё хохлы замутили, – не сдавался Алиев, – я их зарезу нафиг.

Пилипенко и Бойко побледнели. Одновременно.

Я подошёл к Алиеву.

– Резать можно будет только по моему личному указанию, – сказал я ему, – только когда я отдам письменный приказ. Понятно?

– Понятно, – улыбнулся мне Алиев.

– Это всё прибалт начал, – подал голос Бойко, – это всё он. Через 10 минут я знал о конфликте всё. Точнее, почти всё.

Кто первый начал, так и осталось невыясненным. Украинцы обозвали Тераса фашистом. А он их бандеровцами. Слово за слово, перешли к прямым оскорблениям. Родственники

ков по материнской линии и вообще всего народа.

Каким-то образом Бойко и Пилипенко настропалили проходившего мимо узбека против эстонца. Вдвоём со здоровенным Терасом они побоялись драться.

Я появился вовремя. За секунду до рукоприкладства.

– Ну и что мне с вами делать? – спросил я, выслушав все стороны. – Вы мне такой сон прервали. Такой сон...

Четвёрка провинившихся молчала.

Остальной взвод усиленно изучал шасси изделия 6944.

А я в голове прокручивал различные методы наказания.

Наряд вне очереди, чистка туалетов, марш-бросок...

И тут я вспомнил, что Женька вышла замуж. Ещё год назад.

И чего тогда, спрашивается, она мне снится?

Я вздохнул.

– Вот что, бойцы, – сказал я, – приготовите мне рефераты. В течение двух недель. Не менее десяти листов формата А4. Каждый. И на политзанятиях прочтёте лекции личному составу.

– Какие рефераты? – обалдело спросил Пилипенко.

– А что такое реферат? – задал другой вопрос Бабаев.

– Реферат – это доклад такой, – пояснил я, – напечатанный или написанный на бумаге. С диаграммами, рисунками и статистическими данными. Вот ты, Бабаев, подготовишь мне доклад об Эстонии. Пилипенко о Латвии. А Бойко о Литве.

– А я об Украине, – догадался Терас.

– И об Узбекистане, – кивнул я, – с тебя два доклада.

– А почему с меня два, а с них по одному? – опять спросил

Терас.

– Потому что крокодил, – отмахнулся я от него. – Срок вам две недели. Не сделаете – из нарядов до конца учебки не будете вылезать. Всё понятно?

– А где информацию брать? И кто нам диаграммы нарисует? – поинтересовался Бойко.

– Диаграммы сами нарисуете, – ответил я, – а информацию в библиотеке возьмёте. Рядом со штабом здание.

– Там библиотекарьша новенькая, – причмокнул губами Бабаев, – красивая. Блондинка.

– Теперь понятно, на кого нас наш лейтенант променял, – вздохнул я. – В общем, через две недели жду от вас рефераты. Иначе пойдёте в вечный наряд. Где старшим я назначу Алиева.

Через две недели рефераты были готовы. И на ближайших политзанятиях моя четвёрка драчунов рассказала про страны Прибалтики, про Украину и про Узбекистан.

За что замполит роты получил благодарность. От командира части. За отличную работу с личным составом и за укрепление дружбы между народами.

Конечно же, Пилипенко и Бойко не подружились с эстонцем. Но и конфликтов на национальной почве у меня во взводе больше не было.

Караул

К середине срока службы в армии ты начинаешь испытывать пофигизм к жизни. До дембеля ещё год, и он где-то там, за горизонтом. А с другой стороны, ты уже прослужил год и уже пообтёрся. Познал все тяготы военной жизни.

Одной из тягот этой самой армейской жизни была караульная служба.

Караул – это охрана объектов. Приходил взвод в покрашенное зелёной краской караульное помещение. И жил там сутки. Взвод – это 30 человек. Три отделения по 10 человек. Я был в то время командиром отделения. И у моего отделения была задача – охранять автопарк.

А автопарк у нас был огромный. Автомобильная учебная часть как-никак. Соответственно, для охраны этой территории было выделено аж три часовых. Каждый имел свой маршрут. Задача простая – ходить по маршруту с автоматом и охранять автотранспорт. Через два часа часовой менялся. Менял их я. Должность моя называлась разводящий. То есть я разводил часовых на их посты и забирал после двухчасового бдения. Три смены по три человека.

За время службы я ходил в караул раз 30 или 40. Но из всех, в принципе, монотонных и малоинтересных караулов запомнил только один. На всю жизнь запомнил.

Дело было осенью. Поздней. Когда тёплые деньки уже

ушли, а снег ещё не выпал. С неба временами моросил мелкий и противный дождь. Иногда выглядывало солнце. Пригревало на пару часов и потом опять стыдливо пряталось за свинцовые тучи.

Наш взвод получил оружие. Сходил на построение. И после него бодро потопал в караульное помещение.

Затем рутинное сдал-принял у предыдущего караула. И первый развод часовых по месту несения ими службы.

Три рядовых. Кобелев. Мамедов. Сергунин.

Первый пост был около въезда в автопарк. Деревянная будка с прямой телефонной линией в караульное помещение. Второй пост располагался на самом парке и представлял собой маршрут между ангарами с военной техникой. Третий пост был в самом конце автопарка, на границе с городом.

Итак. Отвёл я первую тройку бойцов по постам. Вернулся обратно. А через два часа повёл их менять.

Кобелев все два часа отстоял около ворот, под навесом, глядя, как вечереет и ремонтники с механиками идут домой. В части служило большое количество вольнонаёмных гражданских.

– Пост сдал, – сказал Кобелев и зевнул.

– Пост принял, – сказал заменивший его боец.

Пошли за Мамедовым. Тот стоял между двумя ангарами и задумчиво смотрел куда-то вверх.

– Мамедов, – окликнул я его, – хватит ворон считать. Ты же на боевом дежурстве, в конце концов.

– Извините, товарищ младший сержант, – откликнулся Мамедов, – замечтался. За время моего дежурства никаких происшествий не было.

– Мечтать будешь в караулке, – проворчал я, – а тут делом занимайся. У тебя в руках оружие, между прочим.

– Пост сдал, – гаркнул Мамедов.

Пошли к третьему посту, где нас ждал Сергунин.

– За время моего дежурства никаких происшествий не было, – как положено, отрапортовал часовой, – кроме...

Сергунин замялся.

– Да говори уже, чего там, – подбодрил я его.

– В общем, один из мужиков, которые тут работают, не стал через проходную идти, а через забор перелез, – начал рассказывать Сергунин.

– А ты что? – спросил я.

– Я ему по уставу: «Стой, назад», – продолжил Сергунин.

– А он? – спросил я.

– А он меня послал, – вздохнул Сергунин, – на три буквы послал и пообещал ноги выдернуть. Перелез через забор и спрыгнул на ту сторону. У них тут вот даже бочка около забора стоит, чтобы удобно было лазить.

– Я бы стрельнул, – влез в наш разговор Мамедов.

Я покосился на ретивого бойца, но ничего ему не сказал. Обратился к Сергунину.

– Ты если действуешь по уставу, то действуй до конца, – сказал я ему. – Следующие твои слова должны были быть:

«Стой, стрелять буду».

– А если бы он не остановился? – спросил Сергунин.

– Если бы он не остановился, – тоном усталого воспитателя продолжил я, – то тебе надо снять автомат с предохранителя и передёрнуть затвор.

– И стрельнуть, – опять влез Мамедов.

– Ну, если звук затвора его не остановит, то тогда да, надо стрелять, – продолжил я, – но в воздух. Предупредительный выстрел. Поверь. После этого любой человек остановится.

На несколько секунд все замолчали, переваривая услышанное.

– Вопросы есть? – спросил я.

– Никак нет, – хором ответили трое часовых.

– За мной в колонну по одному шагом марш, – скомандовал я и бодро зашагал на выход из автопарка.

Смеркалось. После дневного гнусного дождика парило. Вместе с ночью пришёл туман. Густой, как кисель. Он накрыл нашу часть ватным одеялом. Даже звуки в нём казались приглушёнными. А видно было не далее одного-двух метров.

Я каждые два часа разводил часовых по постам. В промежуток между разводами пытался поспать.

В полночь отвёл Сергунина с товарищами в автопарк и сразу же пошёл в комнату отдыха. Снял сапоги. Улёгся на топчане. Только положил голову на подушку, как толчок в плечо. Подъём. Оказывается, полтора часа прошло. А мне

показалось, одна секунда.

Вышли во двор. У специального стенда пристегнули магазин к автоматам. Три разводящих, каждый со своей тройкой часовых, ушли в туман.

До автопарка мы дотопали минут за пять по асфальтированной дорожке. Ориентируясь по фонарям, висящим где-то в вышине. Свет от них едва угадывался.

Сменили Кобелева. Он стоял в будке, и пахло от него сигаретами.

– За время моего дежурства никаких происшествий не произошло, – отрапортовал Кобелев.

– Курил? – спросил я.

– Никак нет, товарищ младший сержант, – ответил Кобелев, – это вам кажется. Это ветром принесло.

– Ну-ну, – проворчал я, – сдавай пост.

На место Кобелева шагнул долговязый Волков. А мы пошли дальше, менять Мамедова.

Мамедова на месте не оказалось. Мы постояли несколько минут под столбом с прожектором. Подождали.

– По маршруту, наверное, ходит, – высказал предположение Юрка Балабан, который и должен был менять Мамедова.

Маршрут у часового второго поста проходил между ангарями по кругу. По часовой стрелке.

Мы ещё постояли. Мамедова не было. Стояла звенящая тишина. И вокруг был плотный молочный кисель. И где-то вверху прожектор.

– Пойдём ему навстречу, – скомандовал я, – в колонну по одному. Против часовой стрелки. И держитесь поближе друг к другу. А то в этом тумане я и вас растеряю.

Пошли. Гуськом, стараясь не потерять друг друга из вида.

Прошли весь маршрут второго часового. Против часовой стрелки. Натыкаясь на стены и тихо матеря Мамедова. Ориентирами оставались лишь светящиеся кое-где в вышине лампы.

Вернулись к прожектору.

– По идее, он нам должен был встретиться, – высказал предположение Балабан, – если только он правильно ходит по маршруту, а не спит где-то под забором.

– Или его диверсанты зарезали, – вдруг высказал предположение Кобелев, – погода самая подходящая для этого.

– Заткнитесь все, – велел я, – сейчас ещё один круг сделаем. И если не найдём этого горе-часового, то объявлю тревогу.

– А в какую сторону пойдём? – поинтересовался Балабан.

– Против часовой мы уже ходили, – чуть помедлив, сказал я, – пойдём по часовой. Мож, он чего перепутал и ходит не в ту сторону в тумане.

– Как ёжик, – сказал Балабан.

– Какой ёжик? – не понял я.

– Ёжик в тумане, – пояснил Балабан, – мультик такой есть.

– Боже мой, – пробормотал я, – с кем мне приходится служить? Одного по матушке посылают. Второй про мультики

вспоминает во время службы. Третий курит на посту.

– Я не курил, – возразил Кобелев, – это надуло. А Мамедова, наверное, диверсанты зарезали.

– Да какие тут диверсанты? – разозлился я, – спит ваш Мамедов где-то. Я ему после караула устрою весёлую жизнь. Главное, чтобы живой и невредимый нашёлся.

И я шагнул в туман. Вслед за мной паровозиком, след в след, пошли три бойца.

Над автопарком стояла тишина. Все звуки поглощал проклятый туман. Лишь слышалось собственное дыхание и шорох идущих за мной часовых.

Прошли половину маршрута. Я остановился под ближайшим столбом с фонарём наверху.

Прислушался, вглядываясь в клубящийся передо мной туман.

Вдруг из тумана медленно вынырнул штык-нож. Вслед за ним дуло автомата. Время замедлило свой бег. Я видел, как из тумана выползает тускло блестящий клинок с капельками росы на лезвии. Штык-нож был пристёгнут к автомату. Ствол автомата так же медленно стал появляться из тумана. Появился затвор, рука, держащаяся за магазин.

Штык-нож упёрся мне в пуговицу на шинели и остановился. Я вдохнул и замер. Выдохнуть не получалось. Всё тело сковало. Я смотрел на торчащую из тумана часть автомата и даже думать ни о чём не мог.

– Стой, кто идёт? – раздался приглушённый голос Маме-

дова.

– Второй разводящий младший сержант Фёдоров, – выдохнул я.

Время опять вернулось к обычному ритму.

– Товарищ младший сержант, вы как-то долго, – прошелестел Мамедов, – я соскучиться успел.

– Возьми автомат на плечо, – попросил я часового.

Штык-нож отлепился от моей пуговицы и поплыл вверх. Я сделал шаг вперёд. Мамедов стоял, моргая глазами и всматриваясь за мою спину.

– У тебя автомат на предохранителе? – спросил я его.

– Конечно, – ответил тот.

– Спал? – строго спросил я.

– Никак нет, – обиделся Мамедов, – я машины охранял.

Спать буду дома.

– Балабан, принимай пост, – скомандовал я.

– Пост принял, – отозвался Балабан.

– Пост сдал, – запоздало откликнулся Мамедов.

Затем мы сменили Сергунина и вернулись в караульное помещение.

– Что так долго? – недовольно спросил командир взвода. –

Почти час менялись. Уже скоро новую смену разводить.

– Туман, – коротко ответил я, – а в этом тумане полчища ёжиков бродят.

– Каких ёжиков? – не понял командир.

– Мультик такой есть, – пояснил я, – про ёжика в тумане.

Смотрели?

– Смотрел, – ответил лейтенант, – ты давай, чаю попей. Да покрепче. Чтобы ёжики не мерещились.

Я попил душистого чаю со слоном на пачке. Развёл следующую смену. Потом ещё смену.

Прикорнуть удалось только утром. Выкроил себе часок. Растянулся на топчане. Провалился в сон.

Снилось мне, что я сижу у костра. На бревне. Рядом со мной сидит Мамедов. И мы пьём чай. С вишнёвым вареньем.

– Караул, в ружьё, – крик разогнал мой сон, – боевая тревога.

Я вскочил. Намотал портянки. Выскочил из комнаты отдыха, на ходу надевая сапоги.

– Что случилось?

– В автопарке выстрел, – ответил сонный лейтенант. – Кто там у тебя? Только что Мамедов звонил. Сказал, что на третьем посту одиночный выстрел.

– Сергунин там, – ответил я, – судя по всему, вчерашний мужик обратно через забор полез.

– Какой мужик? – ошалело уставился на меня лейтенант. – Вы тут совсем с ума посходили. То ёжики ночью какие-то, то теперь вот мужик.

– Давайте я схожу за Сергуниным, – предложил я.

– Я уже послал помощника на пост, – ответил лейтенант, – ждём.

Ждали мы недолго. Минут через 15 появился помощник начальника караула вместе с двумя бойцами, свободными от смены, с Сергуниным и мужчиной в спецовке. Сергунин был бледный.

Процессия зашла во двор караулки. Часовые отстегнули магазины. Проверили затворы автоматов.

Мужик в спецовке сразу же сел в сторонке и закурил. Я подошёл к нему.

– Тут курить нельзя, – сказал я.

– Да пошёл ты, – огрызнулась спецовка.

– Ща прикладом по морде заеду, а потом пойду, – пообещал я.

Спецовка затравленно посмотрела на меня. Но сигарету затушила.

– Вчерашний? – спросил я Сергунина.

– Да, – ответил он, – я по уставу. Передёрнул и вверх выстрелил. Он сразу присел. Так и сидел, пока наши не прибежали.

– Мож, он в штаны наложил? – высказал я предположение.

– Да пошли вы, – привычно отозвалась спецовка.

– В помещение, – скомандовал лейтенант. – Расскажите, что произошло, кто виноват и что делать.

Зашли в помещение караулки. К спецовке поставили часового.

А Сергунин рассказал, что произошло во время его де-

журства.

Туман к утру окончательно рассеялся. И часовой вовремя заметил, что через забор на территорию автопарка лезет вчерашний нарушитель. Нарушитель жил сразу же за забором, и ему было лень переться к месту работы через КПП и проходную.

Сергунин дождался, когда спецовка перелезла через забор. Вышел навстречу нарушителю.

– Стой, назад, – скомандовал.

– Да пошёл ты, – ответила спецовка, – я же тебе вечером обещал, что ноги выдерну? Вот ща отмечусь у бригадира и приду выдёргивать. Жди.

– Стой, стрелять буду, – заученно сказал Сергунин и снял автомат с плеча.

– Да пошёл ты, – сказала спецовка, но шаг замедлила.

Сергунин передёрнул затвор, прицелился в чистое небо и нажал на курок.

Бахнуло. Мужик в спецовке сразу же поднял руки вверх и сел на землю.

Мамедов, услышав выстрел, позвонил в караулку.

– Понятно, – устало сказал лейтенант, – мне уже звонили со штаба. Фёдоров, веди задержанного к дежурному. Пусть с ним там разбираются. А мы ща будем патрон списывать. Старшина уже мчится к нам. Обещал всех поубивать. Тут писанины на три дня и три ночи.

Я отвёл задержанного в спецовке дежурному по части.

Тот больше не матерился. А лишь изредка икал. Наверное, от страха.

Вернулся в караулку.

Сергунина от службы отстранили. Его забрал старшина. Заполнять объяснительные и списывать патрон.

А мы до конца дня охраняли вверенные нам объекты. Поспать мне больше не удалось.

В результате разбирательств начальник автопарка получил выговор за плохую работу с личным составом. Мужик в спецовке лишился премии и также получил выговор. Поверх забора, отделяющего автопарк от города, протянули колючую проволоку.

А Сергунину объявили благодарность и дали отпуск. 10 дней.

Благодарность получили наш лейтенант и его заместитель. За отличную подготовку личного состава.

– Надо мне было тоже стрельнуть, – сказал Мамедов, услышав новости про отпуск Сергунина.

– В кого это ты стрельнуть собирался? – спросил я.

– В нарушителя, – ответил Мамедов, – мало ли какие нарушители в тумане ходят.

Я ничего не ответил.

Но когда наш взвод в дальнейшем ходил в караул, я посылал Мамедова в наряд по кухне. Или просто дневальным по роте.

Мне так спокойнее было.

Грозный

На войне лучшее средство от стресса – это водка. Обычная, 40-градусная, которую Менделеев изобрёл.

Но иногда водки бывает мало. Даже не иногда, а чаще всего.

В мирное время можно сбегать в ночной магазин или к соседу. А что делать, когда ты сидишь на блокпосте в Старо-промысловском районе ночью?

А водки нет. Вообще. А выпить хочется. Потому что мало.

И в светлые головы молодых офицеров пришла гениальная идея – смотаться на другой конец города за водкой. Тем более и деньги есть, и адрес человека, который этой самой водкой торговал.

Улица Красного Октября, дом 7, квартира 14. Второй подъезд. Проблема была в одном. Это был город Грозный. И шёл 2002 год.

Четыре офицера кинули жребий. Взяли четыре спички: три длинных и одну обломанную. Командовать личным составом на посту остался Володька. Вадиму, Валентину и Сергею достались длинные спички. Что означало ехать за водкой.

Сходили за водителем-механиком бронетранспортёра младшим сержантом Макаровым. Он был на рабочем месте. То есть на БТРе. Прикручивал к фарам звуковые колонки

марки Вега. Синей изоляцией.

– Чё эт ты делаешь? – удивился Сергей.

– Музыку, товарищ старший лейтенант, – отрапортовал Макаров, – всё равно стоим же на месте. Вот я магнитофон и запитал от аккумуляторов. Завтра днём песни будем слушать.

– Слушать будем сегодня, Самоделкин, – включился в разговор Вадим, – сейчас в город выезжаем. Не свалятся колонки?

– Мне ещё минут 10 надо, подключить всё, – отозвался Макаров, – и можно ехать.

– Давай, родной, подключай, – сказал Вадим, – душа горит. Надо ехать.

Макаров повозился с колонками. Привязал их для прочности ещё и верёвками. Подсоединил к усилителю и к раздолбанному магнитофону той же марки Вега. И ровно через 10 минут, как и обещал, завёл двигатель.

Три молодых офицера погрузились в БТР. Валентин сел рядом с механиком-водителем. Остальные позади них, в десантном отделении. Тяжёлая машина рявкнула мотором. Выехала на дорогу. Громадные колонки частично перекрывали свет фар, поэтому ехать приходилось почти на ощупь.

– Врубай музон, – хлопнул водителя по плечу Валентин, стараясь перекричать шум двигателя.

– Товарищ старший лейтенант, – заорал в ответ Макаров, – я кассеты забыл на посту. Только одна в наличии. Что

в магнитофоне была.

– Врубай, что есть, – махнул рукой Валентин.

И Макаров врубил. Из динамиков, криво примотанных к фарам, заглушая шум мотора и вообще все звуки, понеслась: «Бей чертей, спасай Россию».

– В тему, – заорал радостно Валентин, – обожаю «Коррозию металла». Наша музыка.

Железная махина не торопясь двигалась по улице, оглушая окрестности металлическим роком. Скорость была небольшой. Дома были темны и молчаливы. Лишь эхо отвечало четырём смельчакам, отправившимся за огненным напитком в грозный город.

Вадим достал карту. При свете фонарика, подпрыгивая на ухабах и кочках, попытались понять, как лучше ехать. Не поняли. И спросить было не у кого.

На перекрёстке Макаров увидел какой-то свет и резко повернул направо. Сразу за домом, во дворе, горел костёр. Около костра две застывшие фигуры.

БТР резко остановился.

– Дорогу спросить надо, – заорал Валентин, – глуши двигатель. И музыку выключи на время.

Двигатель заглох. На высокой ноте оборвалась песня. Двое у костра не шевелились.

Открылась боковая дверь. Из неё вывалились Сергей и Вадим. Сергей остался около машины. Вадим подошёл к двум фигурам у костра. При приближении фигуры оказа-

лись двумя молодыми парнями в чёрных куртках. Один чёрненький, второй рыжий. Лет по 16—18. Короткие бороды, больше похожие на небритость. На плечах висят автоматы. Они ошеломлённо смотрели на Вадима.

– Привет, пацаны, – сказал он им.

– Здравствуйте, – отозвался один из парней.

– Мы тут заблудились, – продолжил Вадим, – заплутали немного. Как бы нам на Красного Октября проскочить? Дом 7.

Пауза. Один из парней снял автомат с плеча, перевесил его на другое плечо. Вадим в свою очередь поправил свой автомат, болтающийся за спиной. Позади него у БТРа мелькнул огонёк. Это закурил Серёга.

– К Мусе? За водкой? – спросил басом второй парень, рыжий. Голос совсем не вязался с его молодым возрастом и детским лицом в веснушках.

– К нему, к родимому, – кивнул Вадим, – за водкой. А то нам не хватило.

Хмель постепенно рассеивался в голове. Улетал кусками в чёрную ночь. И становилось непонятно, что он, российский офицер, делает ночью рядом с двумя боевиками у какого-то костра.

– Вы не туда свернули, – сказал рыжий, – вам надо проехать два квартала и свернуть направо ещё раз. И ехать до парка. А там налево и прямо. До гостиницы. Она там, как свечка, торчит. У Мусы на доме номер есть.

– Спасибо, – поблагодарил парней Вадим, – я понял. Два квартала, направо и до парка. А там до гостиницы.

Он сделал два шага назад, потом повернулся и не спеша пошёл к броне.

– Эй, подождите, – раздалось сзади.

Вадим остановился. Пот потёк по шее. Руки тоже стали мокрыми. Он медленно обернулся.

Рыжий подошёл к Вадиму.

– Есть закурить? – спросил смущённо.

– Есть, – ответил Вадим.

Вытащил из кармана пачку сигарет. Негнуцимися пальцами открыл её. Выудил три штуки. Отдал рыжему.

– Держи, – протянул сигареты, – кури на здоровье. И береги себя.

– Спасибо, – ответил рыжий, – и вы тоже, это, берегите себя.

И глянул прямо в глаза Вадиму. Быстро. И жёстко. Вадим усмехнулся.

Оба развернулись почти одновременно и пошли. Один к костру. Второй к БТРу. Сергей был уже внутри.

Вадим залез в отсек. Объяснил Макарову дорогу. Тот кивнул. Завёл мотор, включил музыку. Над притихшим было городом зазвучала «Russian Vodka».

– В тему, – заорал счастливо Валентин, – музыка в тему. Поехали.

И они поехали. А двое у костра остались. Спустя несколь-

ко минут из разрушенного дома напротив к ним присоединился третий. Рыжий раздал всем по сигарете. Закурили.

– Ты чего не стрелял? – спросил чёрненький у третьего. – Мог бы завалить этого, который дорогу спрашивал. И того, что курить вышел.

– Мог бы, – пряча сигарету в ладонях, ответил за третьего рыжий, – только в следующую минуту они бы завалили нас. И вообще они очень уверенно себя чувствовали. Как дома.

– Неспроста, – подал голос чёрненький.

– Их вообще слышно за три километра с этим концертом, – задумчиво сказал рыжий, – как будто специально предупреждают, что едут. Черти.

И выкинул окурочек в костёр.

А «черти» в это время доехали до парка. Из которого по ним лупанули очередью из автомата. Но пули прошли над машиной, даже не задев броню. БТР, не останавливаясь, повернул налево и поехал в сторону гостиницы «Северная». Грохоча очередной песней на всю округу. Из-за туч выглянула луна. Ущербная, но дающая хоть какой-то свет в этом тёмном городе.

Приехали на улицу Красного Октября. Валентин принялся указывать дорогу. Так как раньше уже неоднократно навещался к Мусе. Но днём. Подъехали вплотную к подъезду. Заглушили мотор. Выключили музыку. Тишина. Лишь где-то какие-то шорохи и звуки. Да ветер.

Валентин выбрался из кабины через верхний люк. Озира-

ьясь, нырнул в подъезд. Сергей вылез за ним следом и немедленно закурил, прислонясь к стене.

В пустующей гостинице напротив дома Мусы чеченский снайпер поймал курящего Сергея в перекрестье прицела. Подумал. Подтянул к себе рацию. Что-то прошептал туда. Рация помолчала, помолчала и вдруг выдала: не стрелять.

– Почему? – удивился снайпер. – Они у меня как на ладони. Один курит, а второй в дом вошёл. Выйдет, я и его сниму.

– Не стреляй, – повторили в рации, – это подстава. Специально пустили с музыкой приманку. За ними спецназ идёт.

У снайпера неприятно засосало под ложечкой. Захотелось пить. Он вытащил флягу с водой, сделал пару глотков. Достал бинокль и начал просматривать ближайшие дворы. Вроде тихо.

– Их точно прикрывают? – спросил у рации.

– А ты как думаешь? – ответили в рации. – Нормальный человек пойдёт ночью через весь город, играя на гитаре?

– Нет, – ответил снайпер.

– Вот и не стреляй, – ответили в рации, – постреляешь потом.

– Хорошо, – ответил снайпер и отложил винтовку в сторону.

А в это время Валентин затарился у Мусы водкой. Вышел из подъезда. Залез в БТР. За ним вслед забрался Сергей.

Задраили люки. Открыли бутылку. Достали одноразовые стаканчики.

– Водиле налить надо, – сказал Вадим.

Налили водителю.

– Тебя как зовут, Самоделкин? – спросил Валентин.

– Олег, – откликнулся сержант.

Выпили. Закусили хлебом, который нашёлся у механика-водителя. Завелись. Поехали.

– Чё музыку не включаем? – спросил Сергей.

– Муса просил не шуметь. У соседа ребёнок маленький спит, – крикнул ему Валентин в ответ.

Отъехали пару кварталов. Врубили «Коррозию металла». До блокпоста добрались без происшествий. И даже умудрились не заблудиться.

Приехали. Допили с остававшимся за старшего Володей привезённую водку. Под утро уснули.

Когда проснулись, то обнаружили прибывшее начальство с проверкой. Которое из радиоперехватов боевиков узнало, что по городу ночью колесил БТР, пугая мирных граждан неформальной музыкой.

Комполка ругался матом и пинал пустые бутылки, которые не успели выкинуть после пьянки. Обещал отдать под трибунал и хватался за сердце.

Потом устал. Выпил чаю и послал в штаб сообщение о проведённой ночью разведывательной операции.

Из штаба попросили фамилии участников рейда.

Послали фамилии, не забыв и младшего сержанта Макарова.

Из штаба сообщили, что все будут представлены к награде. За проявленный героизм и мужество.

Комполка выпил ещё чаю. Успокоился.

Велел снять с БТРа колонки.

Пообещал лично пристрелить каждого, кто ещё хоть раз ночью выберется в город.

– Водка ещё осталась? – спросил у офицеров.

– Никак нет, – отозвался Вадим, – но можем съездить.

Есть адрес. Хорошая водочка.

– Я вам съезжу! – заорал успокоившийся было комполка. – Я вам так съезжу, что мать родная не узнает. Ездоки, блин.

И отбыл в штаб. Оформлять наградные на своих четырёх подчинённых.

Спустя несколько месяцев в торжественной обстановке, в Моздоке, им вручили серебряные медали «За отвагу».

А механику-водителю Макарову ещё и отпуск дали.

Перестройка

Донор

Сдать кровь я согласился из-за двух дней отгулов. Шёл 1988 год. Я только что отслужил в армии и трудился в Управлении механизированных работ электриком.

Уговорил меня мой коллега, Витька.

– Пошли, а то мне одному скучно, – сказал он, – а кроме отгулов ещё и денег немного дадут. Не государственная премия, но всё-таки...

– Да я не сдавал никогда эту кровь, – попробовал отказаться я, – не умею я. И вообще, я больницы не люблю. Особенно зубных техников.

– Да чё там сдавать-то? – не отставал Витька. – Выкачают из тебя пол-литра крови и всё. Делов на десять минут. Это всё равно что анализы сдать. Анализы сдавал когда-нибудь?

– Сдавал, – ответил я.

– Ну вот, – почему-то обрадовался Витька, – это то же самое. Ты, главное, приходи пораньше, чтобы в очереди не стоять.

Я подумал, подумал да и согласился. Два дня отгулов – это очень даже неплохо. Лето на дворе.

На следующий день к семи утра вместо работы я пришёл к

нашей местной поликлинике, у входа в которую стояла внушительная очередь. Витьку я нашёл в середине этой самой очереди.

– А чего это народу так много? – удивился я. – Ты же говорил, что быстро кровь сдают.

– Да дармоеды, – отозвался Витька, – никто работать не хочет. Всем отгулы подавай!

– Сам ты дармоед, – сказал стоящий рядом парень и протянул мне руку. – Борис, двоюродный брат этого балабола. Можно просто Боря.

– Это ещё неизвестно, кто из нас балабол, – парировал Витька.

Между ними завязалась словесная перепалка, благодаря которой время в очереди побежало быстрее. А стоять в ней нам пришлось почти полтора часа.

– Жрать охота, – прервал я словесную дуэль двух родственников, когда мы оказались около заветной двери в кабинет, где и происходил забор крови.

– А ты что, не завтракал, что ли? – удивился Боря.

– Нет, – ответил я, – Витька сказал, что как будто анализы сдаёшь. А анализы всегда натошак сдают.

– Нашёл кого слушать! – рассмеялся Боря. – Это не анализы. Тут, наоборот, надо было плотно покушать, но не жирное.

– Я про натошак ничего не говорил, – сказал Витька, – не надо на меня наговаривать. Давай, Вадик, иди первый. И

потом нас подожди. После забора крови всегда надо перекусить и пить много жидкости. Вино рекомендуют красное.

– Если что, попроси водички попить, – подсказал Боря.

– А что «если что»? – насторожился я.

Но ответить мне никто не успел.

– Следующий! – гаркнул кто-то, и дверь в кабинет растворилась.

За дверью был маленький коридорчик со стульями и ещё несколькими дверьми. За одной из них у меня померили давление. За другой – я заполнил анкету. За третьей – у меня взяли кровь из пальца, чтобы определить её группу. Прижимая ватку к уколотому безымянному пальцу, я вошёл в четвёртую дверь.

Два длинных канцелярских стола, четыре стула, две кушетки и скамейка. За столами сидели мужики и, сжимая резиновые мячики, сдавали кровь. Весь этот процесс сдачи контролировали две молодые и симпатичные медсестры: одна чёрненькая низенькая, другая повыше неё с выбеленными до прозрачности волосами.

– Садитесь на свободный стул, – сказала одна из них и вручила мне резиновый мячик, – поработайте рукой.

Я начал сжимать рукой мячик, а девушка между тем перетянула мне руку какой-то резинкой и ткнула в локтевой сгиб иглой. Я ойкнул.

– Ой, какие мы нежные! – пробормотала медсестра и ловко прилепила к моей руке тонкую прозрачную трубочку, по

которой через несколько мгновений побежала кровь. Моя кровь.

Я огляделся. Напротив меня сидел довольно пожилой человек и сосредоточенно сжимал свой мячик. На лбу у него блестел пот. За соседним столом сдавали кровь двое мужчин в синих спецовках. Возрастом они были чуть постарше меня. Они попытались пошутить с медсёстрами, но получили от ворот поворот.

– Или вы кровь сдаёте молча, – на вопрос, как её зовут, ответила чёрненькая, – или идёте на работу. Ещё вопросы есть?

– Вопросов нет, – одновременно ответили обе спецовки и синхронно начали сжимать свои мячики. Молча.

Зато медсёстры продолжили свой разговор, судя по всему, прерванный моим приходом.

– Мало того, что народу сегодня немерено, так ещё и Яна Геннадиевна как с цепи сорвалась, – записывая что-то в толстую тетрадь, сказала беленькая, – утром на меня наорала. Ты, говорит, на танцы собралась или на работу?

– А ты чего? – заинтересовалась чёрненькая, наливая чай себе и беленькой. – Ты на неё не обращай внимания. У бабы климакс, вот она и орёт на всех подряд.

– Вот пусть на себя и орёт, – отложив тетрадь в сторону и придвинув к себе стакан с чаем, ответила беленькая. – Мы вообще не в штате. У нас практика. А свалили всё на нас: и перевязки, и уколы. Теперь вот доноров этих, в спецовках.

И тут меня затошнило. Не то чтобы затошнило, а стало как-то нехорошо.

– А можно водички попить? – попросил я.

– Чего? – спросила чёрненькая и повернулась ко мне.

Мячик вдруг выпал у меня из руки и весело поскакал по полу. Всё вокруг закружилось, и я потерял сознание.

Я оказался в огромном зале ожидания со стеклянной крышей. В нём длинными рядами стояли кресла, как на Курском вокзале, а за стеклянной крышей светили две луны, радуга, и сновали туда-сюда космические корабли.

– К шестой платформе прибывает звездолёт до Кейптауна, – надрывался металлический голос из репродуктора.

– К какой платформе? – спросил меня кто-то.

Я повернул голову и увидел сидящую рядом со мной бабушку в телогрейке. У ног её стояла плетёная корзинка с яблоками и старый потёртый фанерный чемодан.

– К шестой, – ответил я, – к шестой платформе.

Бабушка вскочила, схватила свою кладь и, роняя яблоки, побежала между рядами кресел.

Я открыл глаза и обалдел: лежал я на скамейке всё в той же комнате, и надо мной склонились сестрички, беленькая и чёрненькая. Халаты, в соответствии с законом притяжения, у них отвисли, и перед моими глазами предстало то, что, собственно, эти халаты должны были закрывать.

У чёрненькой тяжёлую налитую грудь стягивал красный бюстгальтер с рюшечками. А вот беленькая была без белья.

И у меня перед глазами покачивались два холмика с коричневыми сосками, буквально в двадцати сантиметрах от моего носа. На мгновение мне показалось, что я умер и попал в рай.

– Живой, – выдохнула чёрненькая.

– Живой, – повторила беленькая и добавила, – я уже хотела ему искусственное дыхание делать.

И тут я совершил ошибку, о которой жалел впоследствии всю свою жизнь: вместо того, чтобы опять впасть в беспмятство, я попытался встать.

– Мне лучше, – прохрипел я.

– Лежите, лежите, – хором запричитали девушки и прижали меня своими руками к скамейке, – Вам нельзя вставать.

И их груди в разрезах халатов качнулись ко мне.

– В сторону! – раздался зычный голос.

Девушки исчезли. Вместо них надо мной наклонилось знакомое лицо бабки из беспмятства. Правда, вместо телогрейки на неё был надет белый халат, и лицо было помоложе.

– Яна Геннадиевна, – доложила чёрненькая, – мы не виноваты. Пациент при сдаче крови потерял сознание. Мы сразу же остановили процесс и привели пациента в чувство.

– Ноги ему поднимите! – скомандовала Яна Геннадиевна. – И глюкозу в стаканчике разведите.

Мои ноги положили на спинку стула. Затем дали попить сладенькой водички.

– Есть, кто до дому сможет проводить? – строго спросила

Яна Геннадиевна.

– Есть, – ответил я, – Виктор и Борис. А мне теперь отгулы не положены? Я же не сдал нужное количество крови.

– Будут тебе отгулы, не переживай, – усмехнулась Яна Геннадиевна, – только ты в следующий раз завтракай поплотнее и жидкости побольше пей. Вроде парень крепкий, а обмяк, как девица на первом свидании.

– Я забыл позавтракать, – промямлил я.

– А голову ты свою дома не забыл? – спросила Яна Геннадиевна и отправилась искать Витьку.

Найдя моего коллегу, она сдала меня ему с рук на руки.

– Забирайте Вашего товарища, – сказала она Витьке, – и в следующий раз кормите его перед забором крови.

– Хорошо, – ответил Витька и вывел меня на улицу.

Там нас дождался Борька. Мы перешли дорогу и вошли в кафе с поэтическим названием «Пегас». Кафе, несмотря на ранний час, было забито под завязку. Мы дождались, когда освободится маленький столик в самом углу, и устало плюхнулись на стулья. Рядом с нашим столиком сразу же возникла официантка: худая, как щепка, женщина неопределённого возраста.

– Заказывайте, – сказала она, – только быстрее.

– Три салата, – сразу же откликнулся Витька. – Оливье есть?

– Есть, – кивнула официантка. – Три порции оливье. Что пить будете?

– Вино будем красное, – ответил Витька.

– Бутылку плодово-ягодного? – спросила официантка. –

Или три по двести?

– Да Вы что?! – возмутился молчавший до этого Борька. –

Мы же доноры. Нам что попримичнее.

– Примичнее – Кагор, – сказала официантка и улыбнулась Борису. – А доноры тут все. Как кровь сдавать, так мы на час раньше открываемся.

– И три порции Кагора, – согласился Борька. – Спасибо Вам большое!

Официантка кивнула и скрылась между столиками.

– Да уж, – протянул Витька, – попал ты, Вадик. Не дай бог, если кто из наших узнает про твой сегодняшний конфуз. Засмеют же!

– Это ты виноват, – огрызнулся я, – спутал меня, со своими анализами.

– Спутал он, а засмеют тебя, – философски заметил Борька.

Подошла официантка, расставила перед нами три тарелки с салатом и три гранёных стакана с вином. Мы чокнулись и сделали по глотку.

– Зато на медсестёр посмотрел, – сказал я и принялся уминать салат.

– Девки как девки, – пожал плечами Борька. – Молодые и симпатичные – это да.

– Беленькая без лифчика, – сказал я и сделал второй гло-

ток вина.

В голове приятно зашумело. Кагор был вкусным и немного сладковатым.

– В смысле «без лифчика»? – заинтересовался Витька. – Ты откуда знаешь?

– Оттуда, – ответил я и рассказал всё, начиная от того момента, когда вошёл в пункт переливания крови, и до момента появления Яны Геннадиевны.

Витька и Борька перестали есть. Они сидели и смотрели на меня, жующего оливье.

– Искусственное дыхание? – наконец-то подал голос Витька. – И ты отказался?

– Я не отказался, – сказал я, – я просто опешил от её сисек. И не сразу среагировал.

– Ты идиот, – простонал Витька. – То ты не завтракаешь, то от искусственного дыхания с молодой девкой отказываешься. Ты идиот!

– Идиот, – подтвердил Борька, – самый настоящий. Там такие девчонки! А под халатиком ничего... Трусов на ней тоже не было?

– Трусы я через этот разрез не разглядел, – не стал врать я, – может, и не было. Я не знаю. Но сиськи у неё просто супер!

– Идиот, – опять простонал Витька и махом выпил своё вино.

В это время к нашему столику вихляющей походкой по-

дошёл Лёша Корзун. Лёша был вредным и склочным мужичком ростом в полтора метра.

– Ну что, пацаны? – спросил он. – Я слышал, кто-то из вас в обморок от вида крови грохнулся. Кто тут у нас такой нежненький?

И засмеялся. Противно так засмеялся.

– Вадим это был, – показал на меня пальцем Борька. – Только он не грохнулся, а симулировал потерю сознания.

– Чего? – не понял Лёша. – Чего он делал?

– Си-му-ли-ро-вал, – по слогам повторил Борька. – У вас в Кишинёве что, этим словам не обучали?

– Да при чём тут мой Кишинёв? – ответил Лёша. – Ты мне объясни, зачем приходиться сдавать кровь и симулировать обморок?

– Надо было, – ответил я таинственно и принялся доедать остатки салата.

– А всё-таки? – не отставал Корзун.

– Ты видел, кто у нас сегодня кровь брал? – Борька пома-нил пальцем Лёшку к себе. Тот подошёл вплотную к нашему столику.

– Видел, – ответил Лёша, – карга старая и две молодые кобылки.

– Ну вот, Вадик и симулировал обморок, чтобы посмотреть, что у этих кобылок под халатиком, – снисходительно усмехнувшись, сказал Борька. – Вадик, да расскажи ты ему! Что человек мучается?

Я рассказал.

– Обалдеть! – восхитился Корзун и убежал к своему столу.

Мы допили вино и разошлись по домам.

– Спасибо, – сказал я двум родственникам на прощанье, – действительно, засмеяли бы. А тут прям герой-любовник!

– Пожалуйста, – ответил Витька. – Ты, главное, про звездолёты не рассказывай. Пусть думают, что ты специально сознание потерял.

Я пообещал молчать про звездолёты.

После этого я честно отгулял два положенных дня и два следовавших за ними выходных. На работу я вышел в понедельник. Но поработать у меня не получилось. Стоило мне появиться в каком-нибудь цехе, как меня сразу же окружала группа до этого мирно работающих мужчин.

– Расскажи, – просили они, – расскажи, как ты кровь сдавал.

И я рассказывал: одним, другим, третьим. Правда, к концу рабочего дня грудь у беленькой со второго размера увеличилась до шестого, и бюстгальтер у чёрненькой из красного превратился в пурпурный. Но это уже никого не смущало. Все жаждали подробностей и восхищались моей смекалкой. Ко мне прицепилась кличка Симулянт.

Через два с половиной месяца случился очередной день донора. Как потом подсчитали в нашей бухгалтерии, выразили готовность сдать кровь 76 процентов работающих в

Управлении механизированных работ.

В местной поликлинике был аншлаг. Не было только отработавших практику двух медсестёр, виновниц этого самого аншлага. Зато была озверевшая от наплыва доноров Яна Геннадиевна и дюжина медработниц преклонного возраста. Поэтому в обморок никто не падал и в разрезы халатов не заглядывал.

А я после того случая стал донором: раз в год или два прихожу в близлежащую больницу или поликлинику и сдаю кровь. Она у меня, как выяснилось, довольно редкая. Третья группа, резус-фактор отрицательный.

Дрожжи

Личность Михаила Сергеевича Горбачёва у меня всегда ассоциируется с алкоголем. Точнее, с его дефицитом. Да. В его время был дефицит всего: талоны на мыло, на сигареты, на стиральный порошок. Но первыми с прилавка стали исчезать спиртные напитки.

А тут ещё одна напасть. К началу перестройки мне исполнилось 18 лет, и я мог уже по закону покупать алкоголь в магазине. Но воспользоваться своим конституционным правом мне удалось только один раз, после чего закон поменяли, установив новый возрастной ценз – 21 год.

Обалдев от такой несправедливости, я ушёл в армию. А там было не до алкоголя: личный состав, наряды и караулы.

После армии было тоже как-то не до пьянок: работа, рождение дочери, бессонные ночи, обустройство семейного гнезда в коммунальной квартире.

Поработав некоторое время на госпредприятии, я вместе с тремя такими же авантюристами, как и я, создал торгово-закупочный кооператив с гордым названием «Юнона». (Рок-опера Рыбникова тогда была на вершине своей славы).

Деятельность нашего кооператива была простой. На Украине или в Молдавии мы покупали овощи и фрукты и везли их в Московскую область, где ошалевшие от пустых прилавков жители раскупали наш товар с бешеной скоростью.

Всё первое лето существования нашего кооператива мы возили из южных республик в Подмоскowie помидоры, перец, виноград, огурцы. До самой зимы. А зимой при делёжке полученных за сезон денег кооператив распался. Такое бывает.

Распался и распался.

Я на следующий год продолжил свою торгово-закупочную деятельность. Прибыль это приносило хорошую. Но были два «но». Первое – это инфляция. Заработанные потом и кровью деньги обесценивались быстрее, чем я их получал на руки. И второе – сезонность. Фрукты и овощи из южных республик можно было возить примерно только с июня по октябрь. Всё. Поэтому надо было придумать, чем заниматься в остальное время года.

И я придумал. Точнее, как это обычно бывает, всё решил Его Величество Случай.

Нежданно-негаданно я попал в колхоз, у председателя которого был родственник – Михаил Спиридонович, главный инженер дрожжевого завода, стоящего в соседнем районе. И когда мы грузили помидоры в ЗИЛ-130, этот родственник случайно оказался рядом – не сиделось ему дома. Разговорились, то да сё.

– А продайте мне дрожжи, – предложил я, – по коммерческой цене. По пять рублей за пачку. Я много возьму. Целый грузовик.

– Нельзя, – ответил Михаил Спиридонович, – у нас фик-

сированная цена. Полтора рубля за пачку.

– Уговорили, – улыбнулся я, – давайте по полтора.

– Вы не поняли, – в ответ улыбнулся главный инженер, – мы посторонним людям вообще не продаём дрожжи ни по какой цене. Только по магазинам и в кондитерские.

– Даже за взятку? – удивился я.

– Даже за взятку, – подтвердил собеседник.

– Не хотите продавать – давайте поменяемся, – после некоторого раздумья предложил я.

– А что у вас есть? – заинтересовался Михаил Спиридонович.

– Автозапчасти, пылесосы, электромясорубки, – начал перечислять я, вспоминая, что у нас производят в Серпуховском районе Подмосковья.

– Во! – остановил меня Михаил Спиридонович. – Электромясорубки – самое то. Классная штука! И пылесосы тоже. Я думаю, что договоримся.

И мы на следующий день договорились: уже на самом заводе и с участием директора.

– Везите ваши чудо-машины, – сказал мне директор, пожимая руку. – У нас на заводе в основном женщины работают. Они будут рады.

Окрылённый этими словами, я помчался на Серпуховский машиностроительный завод.

– Мне бы пылесосов штук двести, – сказал я в отделе сбыта, – и столько же мясорубок. Или мясорубок даже двести

пятьдесят.

– А вы кто? – спросили меня.

– Я гражданин, – ответил я, – и ещё я председатель кооператива «Юнона». Наш кооператив хочет у вас купить пылесосы и мясорубки.

– Это вам в кабинет напротив, – рассмеялись мне в лицо. – Ишь, какой шустрый! Мы только по государственным магазинам продаём.

Я подошёл к двери напротив. На ней было написано: «Коммерческий отдел». Да. В то время сбыт и коммерция были двумя совершенно разными видами деятельности.

– Без проблем, – ответили мне в коммерческом отделе, – по десять штук каждого наименования можете хоть сегодня забрать.

– Мне по двести штук надо, – скромно сказал я, – десять меня не устроят.

– По двести штук? – удивились в коммерческом отделе. – Зачем вам столько?

– Пылесосить и резать мясо, – ответил я.

– Это надо в отделе сбыта спросить, – посоветовавшись, ответил мне коммерческий отдел. – У нас столько нет.

И мы все перешли в отдел сбыта.

– А платить чем будете? – спросили в свою очередь там.

– Деньгами, – гордо ответил я и потряс полиэтиленовым пакетом, в котором лежали деньги.

– Ребята, – попросил коммерческий отдел, – давайте от-

грузим парню, что ему надо, и зарплату выдадим работникам. А то ваши госмагазины вместо денег только обещаниями всех кормят.

И отдел сбыта дал добро.

Мы вернулись в коммерческий отдел, где мне быстренько посчитали, сколько я должен заводу за две сотни пылесосов и двести пятьдесят электрических мясорубок. Сумма меня впечатлила.

– А что так дорого? – спросил я. – Пылесос двести рублей стоит. А у вас вот в графе «Итого» восемьдесят тысяч указано.

– Мы же коммерческий отдел, – объяснили мне, – у нас коэффициент накупаемый товар – два. Будь вы госпредприятие, мы бы вам по две сотни продали, да ещё бы торговую скидку в пятнадцать процентов сделали. А гражданам и кооперативщикам – двойную цену. Вы же спекулянты.

– М-да, – задумался я, – неизвестно, кто тут больше спекулянт. А может, хотя бы на коэффициент дадите эту вашу торговую скидку?

– Нет, – ответили мне, – не дадим. Вы будете брать или как?

– Буду, – ответил я и заглянул в свой пакет, – но мне по сто пятьдесят штук каждого из наименований. У меня денег не так и много. На всё не хватит.

Когда я рассказал о похождениях по отделам на машиностроительном заводе своему торговому партнёру Женьке, он

МЕНЯ НЕ ПОНЯЛ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.